

УДК 347.627.2.023

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-51-66

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖЁНАМИ У ПОДАТНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Полянский П. Л.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть правовое регулирование последствий жестокого обращения с жёнами в середине XIX в. в России в отношении податного населения.

Процедура и методы. Исследуется история принятия закона 1862 г., который впервые в истории России закрепил, хотя и для определённых случаев, возможность жены проживать отдельно от мужа в случае жестокого обращения с ней. Применение конкретно-исторического метода позволило на основании архивных источников, отдельных публикаций изучаемого периода определить остроту проблемы семейного насилия с точки зрения государства уже в середине XIX в. Догматический метод помог корректно отобрать и истолковать нормативные правовые акты, относящиеся к рассматриваемой проблематике. Обобщение отобранного и проанализированного материала позволило определить направление и характер правового регулирования отношений, связанных с раздельным проживанием супругов, принадлежащих к податному населению в изучаемый период.

Результаты. Впервые в историко-правовой литературе выявлено значение закона от 17 сентября 1862 г., который стал хоть и небольшим, но ощутимым шагом вперёд на пути расширения прав замужних женщин в Российской империи. Правила, сформулированные этим законом, определили новую для многих из них возможность отказаться при определённых условиях от совместного проживания с мужьями. В то же время установлен ярко выраженный сословный характер норм нового закона. Рассмотрена также история и содержание нормативных актов, ставших предпосылкой принятия закона 1862 г.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение семейного дореволюционного законодательства. Настоящая статья будет полезна историкам права, специалистам в области истории государства и права, а также семейного права. Интерес также представляет исторический опыт регулирования правовых последствий семейного насилия, что до сих пор является актуальной проблемой в мире.

Ключевые слова: Россия, история права, семейное право, раздельное проживание супругов, жестокое обращение

FAMILY AND LEGAL CONSEQUENCES OF ILL-TREATMENT OF WIVES AMONG THE TAXABLE POPULATION OF RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

P. Polyansky*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the legal regulation of the consequences of cruel treatment of wives in the middle of the 19th century in Russia in relation to the taxable population.

Methodology. The history of the 1862 law adoption is being studied. This law for the first time in the history of Russia fixed, albeit for certain cases, the possibility of a wife to live separately from her husband in case of cruel treatment. The use of the concrete historical method made it possible, on the basis of archival sources, individual publications of the period under study, to determine the severity of the problem of domestic violence from the point of view of the state already in the middle of the 19th century. The dogmatic method helped to correctly select and interpret normative legal acts related to the issue under consideration. The generalization of the selected and analyzed material made it possible to determine the direction and nature of the legal regulation of relations associated with the separation of spouses belonging to the taxable population during the period under study.

Results. For the first time in the historical and legal literature the significance of the law of September 17, 1862 is revealed. The law became, albeit a small, but tangible step forward on the path of expanding the rights of married women in the Russian Empire. The rules formulated by this law determined a new opportunity for many of them to refuse, under certain conditions, from cohabitation with their husbands. At the same time, a pronounced estate character of the norms of the new law is stated. The history and content of the regulations that became the prerequisite for the adoption of the law of 1862 are also considered.

Research implications. The results of the study contribute to the study of pre-revolutionary family legislation. This article will be of use for historians of law, specialists in the field of the history of state and law, as well as family law. The historical experience of regulating the legal consequences of domestic violence is also of interest, as it is still an urgent problem in the world.

Keywords: Russia, history of law, family law, separation of spouses, abuse

Введение

Дореволюционное правовое регулирование последствий жестокого обращения одного супруга с другим мало интересовало историков права. Своеобразной точкой отсчёта, которая более-менее известна в современной исторической и историко-правовой литературе [2; 4; 5], является закон от 12 марта 1914 г.¹ Впрочем, именно «более-менее». Например, в монографии алтайского историка Ю. М. Гончарова «Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX вв.» отрицается, что институт раздельного жительства присутствовал в отечественных законах в начале XX в. [3, с. 84]. Видимо, историк или не знает о законе 1914 г., или не относит его к началу столетия. А между тем, этот нормативный акт впервые в России установил общую норму о возможности для одного из супругов в случае жестокого обращения с ним другого уклоняться от совместной жизни при формальном сохранении брака.

Изучение истории этого закона показывает, что к его принятию русское прави-

тельство шло полвека. Значительная (если не сказать большая) часть этого пути была связана с регламентацией положения отдельных сословий. Доказательством этому является закон от 17 сентября 1862 г.² Только по отношению к податному населению им было сформулировано правило, что жёны в случае жестокого обращения с ними мужей при переселении последних по общественным приговорам³ не обязаны следовать за ними.

Закон 1914 г. по сравнению с предшествующим носил универсальный характер. Так, он распространялся на *все сословия* в отличие от установления полувековой давности. Кроме того, новый закон закрепил право *любого супруга* (а не только жены, как по закону 1862 г.) отказаться от совместной супружеской жизни

² ПСЗРИ-2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 38688.

³ Общественный приговор – решение податного общества (сельского или городского), представлявшего собой в XVIII – начале XX вв. корпорацию жителей сельских или городских поселений. Приговоры утверждались на общественных собраниях. На собраниях могли также разрешаться вопросы приёма в общество новых членов или увольнение из него, раскладка налагаемых на общество личных и имущественных повинностей и т. д.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 76. Отд. 1. Ст. 902.

при жестоком обращении. Наконец, отказ продолжать совместную супружескую жизнь вследствие жестокого обращения уже не был связан лишь с переселением по общественному приговору, как это было установлено ранее.

Между законами 1862 и 1914 гг. не было принято ни одного нормативного акта, который бы внёс в регулирование рассматриваемого вопроса какие-либо изменения. Однако за этот период сложилась интересная практика Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, можно обнаружить следы активной законопроектной работы, деятельности министерств, комиссий и совещаний. Так что выявить и исследовать предпосылки принятия закона 1914 г. несложно.

Гораздо меньше известно о ситуации, которая сложилась к середине XIX в. Перед тем как в 1862 г. было сформулировано уже приведённое правило, состоялось принятие ряда нормативных актов. Для этих актов характерна одна черта: все они касались отдельных податных классов. Их анализ позволяет увидеть, под каким углом зрения русское правительство рассматривало в тот момент проблему супружеского насилия в крестьянских и мещанских семьях. Таким образом, непосредственной задачей настоящей работы являются представление и оценка новых правовых материалов середины XIX в., показывающих отношение государства к проблеме жестокого обращения в семье.

Дореволюционное законодательство о последствиях жестокого обращения в семье

Проблема супружеского насилия, жестокого обращения одного супруга с другим существует, наверное, столько же, сколько сам институт брака. Превосходство в физической силе, а также особенности общественного разделения труда много веков удобряли почву, на которой произрастало жестокое обращение мужей по отношению к жёнам. Конечно, «слабый пол» научился быть той шеей, на которой держится гла-

ва семьи. Однако проблема мужского насилия по отношению к домохозяйкам не утратила своей актуальности во всём мире даже в XXI столетии.

Отечественный законодатель поначалу смотрел на жестокое обращение с жёнами исключительно как на состав преступления. Ещё в XVIII в. «Артикуле воинском» (1715 г.) причиняемые собственной жене побои рассматривались даже не сами по себе, а лишь как причину смерти потерпевшей (Толкование к арт. 163)¹. В данном случае само по себе жестокое физическое наказание жены (как и ребёнка) законодателем не осуждалось, а служило примером для характеристики убийства по неосторожности.

В первой половине XIX в. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) закрепило ответственность супругов за нанесение увечий, ран или побоев друг другу (ст. 2075²). Именно здесь впервые в отечественном законодательстве прозвучало выражение «жестокое обращение с женой»³. О распространённости этого явления в России в скупых выражениях свидетельствовали разработчики проекта Уложения: «Кажется, необходимо, так сказать, через угрозу закона положить некоторую преграду злоупотреблению супружеской власти, коего примеры, к сожалению, встречаются нередко даже и по делам»⁴.

Почему уголовный закон раньше не положил «преграду злоупотреблению супружеской власти», явствует из целого ряда дел первой половины XIX в. по жалобам жён на мужей [6, с. 70–71]. Одно из подобных дел дошло до Государственного совета. Так, в 1830 г. княгиня Егнальчева, житель-

¹ Российской законодательство X–XX вв. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 358.

² ПСЗРИ-2. Т. XX. Отд. 1. № 19283.

³ Правда, это выражение в 1871 г. было исключено из текста соответствующей статьи (1583) Уложения в актуальной на тот момент редакции 1866 г. См.: ПСЗРИ-2. Т. XLVI. Отд. 1. № 49511.

⁴ Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесённый в 1844 г. в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесённых в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 669.

ница Юрьевоцкого уезда Владимирской губернии, обвиняла своего мужа в систематическом жестоком обращении с ней. Каплей, переполнившей чашу терпения княгини, стало следующее: 1 мая 1830 г. князь Сергей выволок жену прямо из-за обеденного стола, утащил в лес, снял платье, привязал к дереву, бил палками и прутьями. После побоев заточил на некоторое время без пищи, так что крепостные подкармливали тайком свою барыню хлебом¹. В августе 1835 г. дело дошло до Государственного совета, который нашёл основания отнести жалобу княгини Енгальцевой к предметам рассмотрения Духовного суда². Духовная юстиция, в свою очередь, часто была склонна «отфутболивать» такие дела обратно светским властям, поскольку согласно Уставу Благочиния (1782 г.) «охранять добродетель, порядок и правила обязательств супружеских» должна полиция [6, с. 71]. Получалось, что церковная и светская власти в то время не могли вполне определиться, кто из них должен разбирать подобные дела.

Таким образом, Уложение 1845 г., во-первых, впервые чётко определило подведомственность при рассмотрении таких дел. Во-вторых, Уложение можно считать той отсечкой, когда законодатель начал относиться к проявлениям жестокости в супружеских отношениях как к проблеме, требующей особого внимания.

Приведённое постановление в ст. 2075 Уложения 1845 г. стало последним за следующие 70 лет, когда проблема жестокого обращения с супругом законодательно регулировалась вне сословной специфики. Лишь Закон 12 марта 1914 г. провозгласил в виде общей нормы, что требование одного супруга к другому о восстановлении совместной жизни могло быть отклонено, если совместная жизнь для последнего «представлялась невыносимой». В числе причин для уклонения от совместной жизни законом было названо жестокое обращение.

¹ РГИА. Ф. 1151. Оп. 2 (1835 г.). Д. 75. Л. 61об.

² Там же. Л. 95об.

Итак, два закона с разницей в 70 лет подошли к разрешению вопроса о жестоком обращении с супругом по-разному. Первый (1845 г.) – с точки зрения уголовно-правовых, второй (1914 г.) – с точки зрения семейно-правовых последствий. Законодателю понадобилось 70 лет для того, чтобы нанесение увечий и побоев жене признать даже не законным поводом к разводу, а только основанием к её отказу продолжать фактическое сожительство с мужем-садистом.

Но то, что в общей форме было урегулировано законом в 1914 г., уже в середине XIX в. нашло своё отражение по отношению к некоторым сословиям при определённых обстоятельствах их жизни. Речь идёт о податных классах (крестьянах и мещанах). Обстоятельства же связаны с их переселением в Сибирь по общественным приговорам.

Далее рассмотрим правовое регулирование указанных обстоятельств. Используемые для рассмотрения настоящего вопроса архивные материалы впервые вводятся в научный оборот.

К середине XIX в. трудно оценить масштаб такого явления как супружеское насилие в силу его традиционной латентности. Н. Л. Пушкирёва, известный автор публикаций на тему «женской истории», в памятниках личного происхождения редко обнаруживала сведения о семейных конфликтах. Объяснением этого автору видится традиция «не выносить сор из избы» [9, с. 60].

В печати того времени появлялись лишь отдельные публикации, которые свидетельствовали о массовом проявлении жестокости в семьях. Так, псковский помещик, публицист и общественный деятель А. С. Зеленой в своей статье 1857 г. делился опытом, как он неумолимо искоренял жестокое отношение к жёнам в крестьянских хозяйствах своего небольшого имения. Один крестьянин-садист посылался им на тяжёлые общественные работы, другой отдавался без очереди в рекруты. От третьего по воле помещика жена изымалась и возвращалась к родителям с тем, чтобы

муж предоставлял ей необходимое содержание¹.

По-настоящему громко голос общественности заявил о проблеме лишь в последней четверти XIX в. К этому времени была опубликована и оценена практика образованных в ходе реформы 1861 г. волостных крестьянских судов, которым приходилось разбирать дела о супружеских неурядицах². Подобные дела попадали и в мировые суды (образованы в ходе судебной реформы 1864 г.), члены которых делились в печати тягостными впечатлениями от жалоб крестьянок на мужей³. Наконец, нельзя забывать и об общественной дискуссии по «женскому вопросу» второй половины XIX в. На фоне обсуждения женского образования, трудоустройства и вообще роли женщин в российском обществе проблема насилия над супругами в семье не могла затеряться. Имеются и современные публикации, где поднимается проблема жестокого обращения с женами в конце XIX – начале XX вв. [1, с. 27–30; 10, с. 3–47].

Итак, ближе к концу XIX в. об остроте проблемы жестокого обращения с жёнами можно судить по опубликованным источникам и материалам различного жанра. Однако для середины века ситуация представляется совсем иной. Исследователь может лишь предполагать, что нравы в середине столетия вряд ли были мягче, чем в конце. Скорее, наоборот. Но важно то, что и русское правительство в середине века вряд ли имело достоверную информацию о масштабах этого печального явления.

Мы знаем, что авторы текста Уложения 1845 г., проектируя ответственность за жестокое обращение с супругой, исходили из того, что подобные случаи «встречаются нередко даже и по делам». По каким же делам? Например, за первую половину века в

архивных описях Государственного совета обнаружено лишь 2 рассмотренных им дела о жестоком обращении с жёнами. Одно – по обвинению князя С. Енгальчева (приведено выше). Второе – по обвинению отставного титулярного советника А. Владыкина, за которым помимо жестокого обращения с супругой значился ещё целый «букет» различных правонарушений⁴.

Скорее всего, составители Уложения были знакомы в основном с делами, рассматривавшимися в III Отделении императорской канцелярии. Именно оно накопило до середины XIX в. определённую практику разрешения супружеских неурядиц. Так, в 1834 г. в III Отделении рассматривалась жалоба жены курского помещика полковника Полтарацкого на жестокость мужа. В 1836 г. на дурное обхождение мужа жаловалась супруга отставного штаб-капитана Козакова. В 1845 г. III Отделением рассматривалась жалоба жены отставного прапорщика Прункуля, а в 1846 г. – аналогичные дела по жалобам жены подпоручика Григорьева и полковника Траскина. В 1847 г. на несправедливые и оскорбительные поступки мужа жаловалась княгиня Урусова. До середины XIX в. III Отделение рассмотрело несколько десятков дел по жалобам жён на мужей. Почти все эти случаи касались дворянских семейств. Аналогичными проблемами податных сословий III Отделение не занималось.

Так что вполне вероятно, что уголовная ответственность, введённая Уложением 1845 г. за жестокое обращение с супругом, появилась благодаря практике рассмотрения дворянских семейных неурядиц.

Предыстория правил 1862 г. о порядке следования семейств за переселяемыми по общественным приговорам лицами

На этом фоне может показаться удивительным тот факт, что раздельное проживание супругов при жестоком обращении с женой впервые было законодательно провозглашено *не для дворян, а для представителей податных классов*. Это случилось

¹ Зеленой А. С. О жестоком обращении крестьян с их жёнами // Земледельческая газета. 1857. № 30. С. 236.

² Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. СПб., 1873. С. 444, 669; Там же, Т. 2. СПб., 1873. С. 269, 523, 546 и т. д.; Там же, Т. 3. СПб., 1873. С. 11, 340; Т. 4. СПб., 1873. С. 260, 488 и т. д.

³ Лудмер Я. Бабы-стоны. Из записок мирового судьи // Юридический вестник. 1884. Ноябрь. С. 446–467; 1884. Декабрь. С. 658–679.

⁴ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1 (1828 г.). Д. 293.

17 сентября 1862 г., когда Александр II утвердил предложенные Государственным советом правила относительно следования семейств за лицами, ссылаемыми по суду, переселяемыми или удаляемыми по приговорам обществ и административным порядком.

Правилами было установлено (п. 2), что жёны лиц, переселяемых по приговорам общества, не обязаны следовать за мужьями в 3-х случаях: 1) по взаимному согласию на это супругов, 2) по тяжкой неизлечимой болезни жены, 3) *по жестокому обращению с ней мужа* или по его явно развратному поведению. При этом факты жестокого обращения или развратного поведения должны были, согласно правилам, устанавливаться и подтверждаться в судебном порядке.

Таким образом, жестокое обращение с женой по закону 1862 г. могло быть основанием к раздельному проживанию супругов не само по себе, а лишь при 2-х обстоятельствах:

1) супруги принадлежали к *податным классам* населения: именно их представители могли быть удалены по решению местного податного общества;

2) раздельное проживание могло быть допущено лишь *при переселении мужа по общественному приговору*.

Историки права ранее не исследовали приведённую законодательную норму 1862 г. и её предысторию. Редакционная Комиссия по составлению Гражданского уложения, снабдив обширной справкой проектируемую главу о разрешении раздельного жительства супругов, не использовала правовой материал середины XIX в. Комиссией были востребованы отдельные сведения по разножительству супругов в XVIII в., а также публицистические материалы, практика судебных инстанций, некоторые проекты и отдельные законодательные нормы второй половины XIX в. Впрочем, о законе 17 сентября 1862 г. Комиссия упомянула, но без изложения мер, предшествовавших её принятию¹.

¹ Гражданское уложение. Книга 2. Семейственное право. Проект Высочайше учреждённой Редакционной

Приведённое правило закона 1862 г. стало своеобразным финалом законотворческой деятельности середины XIX в. по изучаемой проблеме. Выявление отдельных этапов этой деятельности позволит правильнее оценить эволюцию взглядов правительства на раздельное проживание супругов. Для полноты картины необходимо ещё напомнить, что в 1819 г. светским органам было запрещено утверждать всякие соглашения супругов о раздельном проживании. Так решил Государственный совет по делу Шелковниковых, расценив с подачи Правительствующего Синода такие соглашения как акты, клонящиеся к разрушению брачного союза [7, с. 38–39]. Шелковниковы, как и многие до них, подписали соглашение о раздельном проживании из-за семейных неурядиц.

В середине XIX в. вопрос о даче санкции на раздельное проживание супругов возник для правительства совершенно с другой стороны. В 1849 г. мещанское общество г. Сызрани Симбирской губернии приговорило некоего Иевлева за дурное поведение отдать в солдаты, а в случае негодности к военной службе сослать в Сибирь на поселение. Медицинское освидетельствование показало негодность Иевлева к фронтовой службе. Таким образом, мещанин должен был отправиться в Сибирь. Однако общество отказалось уволить вместе с ним его 2-х несовершеннолетних (15 и 12 лет) сыновей. Тогда для содержания и воспитания детей Иевлев договорился с обществом оставить на прежнем месте жительства и свою жену Анисью.

Симбирское губернское правление, ссылаясь на ст. 275 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, настаивало на отправлении обоих супругов в ссылку. С формальной точки зрения правление было право, ибо указанная статья требовала, чтобы переселяемые за порочное поведение «не были разлучаемы с жёнами»². Однако симбирский губернатор оказался иного мнения и, представляя вопрос на

Комиссии по составлению Гражданского Уложения.

Т. 1. Ст. 1–349 с объяснениями. СПб., 1902. С. 231–232.

² Т. XIV Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

разрешение министра внутренних дел, сопоставил указанную статью со ст. 349 того же Устава. Эта последняя статья прямо гласила: «Жены крепостных людей, переселяемых в Сибирь по воле их помещика, должны следовать за мужьями»¹. Губернатор хотел этим сказать, что в ст. 275 нет прямой обязанности жены следовать за мужем (как в ст. 349). Напротив, согласно ст. 275 власти лишь не должны разлучать супругов или препятствовать следованию обоих в Сибирь. А принимать решение идти ли вместе или одному мужу должны именно супруги. В итоге губернатор ходатайствовал перед министерством об оставлении Анисьи Иевлевой в Сызрани вместе с детьми.

Министр внутренних дел Л. А. Перовский согласился с доводами губернатора и уточнил, что при обоюдном согласии супругов на оставление жены по прежнему месту жительства их брак сохраняет свою силу. Таким образом, если Иевлев впоследствии потребовал бы от жены воссоединения, то она была бы обязана последовать к нему на поселение.

Однако 1-й Департамент Сената, на чьё «благоусмотрение» Л. А. Перовский передал своё мнение, не поддержал ни министра, ни губернатора. С точки зрения департамента, буквальный смысл ст. 275 Устава о предупреждении и пресечении преступлений требовал обязательной отправки Иевлевой вместе с мужем. Сенаторы также припомнили нормы Свода законов гражданских о запрете самовольного расторжения брака по одному супружескому согласию (ст. 44) и о запрете для гражданских властей утверждать супружеские соглашения о раздельном проживании (ст. 45)². Последняя норма имела в своём основании упомянутое решение по делу Шелковниковых. Это определение 1-го Департамента Сената вызвало возражение уже у министра внутренних дел, поскольку, с одной стороны, раздельное проживание само по себе не являлось расторжением брака. С другой стороны, за-

конодательство принципиально не запрещало супругам проживать раздельно. В частности, жена могла проживать отдельно от мужа по выданному с его разрешения паспорту.

Поскольку 1-й Департамент снова остался при своём мнении, дело Иевлева было передано на разрешение Общего собрания первых трёх департаментов Сената, а также Департамента герольдии. Мнения участников собрания, состоявшегося в ноябре 1849 г., разделились. Большинство соглашалось с доводами министра внутренних дел и было склонно разрешить Анисье Иевлевой остаться на прежнем месте жительства. Поскольку единодушия достигнуто не было, дело было передано на заключение в министерство юстиции, причём товарищ министра в своём мнении поддержал меньшинство, предлагавшее отправить в Сибирь обоих супругов.

Мнение товарища министра юстиции почти не поколебало сенаторов, из-за чего вопрос был перенесён на разрешение в Государственный совет. В мае 1850 г. дело Иевлевых обсуждалось сначала в Департаменте законов, а затем и в Общем собрании. По мнению Государственного совета, закон не запрещал супругам некоторое время находиться в разных местах без всяких формальных условий. В итоге 3 июля 1850 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета, согласно которому Анисья Иевлева имела право остаться на прежнем месте жительства до достижения сыновьями совершеннолетия. Причём муж, согласно этому решению, был вправе всегда потребовать к себе жену.

Узаконение, состоявшееся по делу Иевлевых, не связано напрямую с проблемой жестокого обращения с супругом. Однако оно имеет большое значение для предпринятого исследования по следующим причинам. Во-первых, по делу Иевлевых впервые с 1819 г., когда Александр I утвердил решение по делу Шелковниковых, светская власть санкционировала раздельное проживание супругов по их взаимному соглашению. Формально это вступало в противоречие с нормами

¹ Т. XIV Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

² Т. X Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

ст.ст. 44 и 45 Свода законов гражданских, о чём по делу Иевлевых в разное время говорили некоторые сенаторы и товарищ министра юстиции. Однако первый шаг от конкретного случая к общему правилу был сделан.

Во-вторых, правительство признало возможность раздельного проживания по соглашению супругов при вполне конкретных обстоятельствах: для этого требовался *общественный приговор о переселении мужа*. Поскольку такие приговоры в середине XIX в. выносились относительно представителей отдельных податных групп, можно говорить о вполне конкретном классе населения, которому предоставлялась новая возможность. А с освобождением помещичьих крестьян в 1861 г. и распространением на них правил, касавшихся государственных крестьян, эту группу можно достаточно корректно определить как *податное население*.

Указанные обстоятельства важны ещё и по следующей причине. На первый взгляд (особенно современный), по делу Иевлева были урегулированы семейные правоотношения. Однако в данном случае решался иной вопрос: податному обществу было удобно удалить из своей среды отца и оставить мальчиков, а для их воспитания – и мать. Через несколько лет на обоих сыновей уже можно было развёрстывать личные и имущественные повинности. На этой «точке» встречались интересы податного общества и правительства. При этом власть осознавала, что с семьёй в процессе переселения вполне могут случиться такие несчастья, из-за которых государство потеряет почти взрослых налогоплательщиков и солдат. Об этом косвенно говорит следующий пример.

В очередной раз вопрос о раздельном проживании супругов, один из которых переселялся по общественном приговору, возник в октябре 1851 г. Министр государственных имуществ, генерал-адъютант граф П. Д. Киселёв, обобщив известную ему практику, обратился в Правительствующий Сенат. По информации министра, начальство ряда губерний

при переселении государственных крестьян со ссылкой на ст. 570 кн. 2 Свода постановлений о благоустройстве в городах и селениях¹ запрещало оставлять их жён на прежнем месте жительства. Между тем многие семейства переселённых, оказавшись в новых губерниях в крайне затруднительном положении, ходатайствуют о возвращении их на родину. И хотя министерство неоднократно удовлетворяло такие просьбы, П. Д. Киселёв признавал полезным внести изменения в законодательство и запретить принуждать обоих супругов следовать к месту переселения мужа.

Главноуправляющий II Отделением императорской канцелярией граф Д. Н. Блудов, к которому П. Д. Киселёв обратился за консультацией по этому делу, поддержал инициативу с опорой, в т. ч. на решение по делу сызранского мещанина Иевлева. Итогом стало выработанное мнение Государственного совета, обсуждённое сначала в августе 1851 г. в Департаменте гражданских и духовных дел, а в октябре того же года – в Общем собрании департаментов. Было решено дополнить ст. 570 кн. 2 Свода постановлений о благоустройстве в городах и селениях примечанием со следующим текстом: «Впрочем, при следовании жены за переселяемым мужем не должно быть допускаемо принуждения в случае обоюдного согласия супругов на временную по обстоятельствам семейным разлуку и изъявления желания обществом на то согласия. Но чрез такое раздельное житьё брак не расторгается, и муж всегда вправе потребовать к себе жену, равно и она может во всякое время отправиться к мужу, если сама того пожелает...»². Впрочем, согласно дальнейшему тексту примечания, окончательное решение вопроса по каждому подобному случаю проходило через Министерство

¹ Т. XII Свода законов Российской Империи изд. 1842 г. Формулировка ст. 570 в части наблюдения, чтобы при переселении мужа не были разлучаемы с жёнами, была идентична формулировке уже рассмотренной ст. 275 Устава о предупреждении и пресечении преступлений.

² ПСЗРИ-2. Т. XXVI. Отд. 2. № 25690.

государственных имуществ. 29 октября 1851 г. предложение Государственного совета было высочайше утверждено.

Итак, возможность раздельного проживания супругов при переселении мужа по общественному приговору пробила себе дорогу в действовавшее законодательство. Правда, новое правило касалось пока только государственных крестьян. Впрочем, ненадолго.

В августе 1851 г. министр внутренних дел внёс в Государственный совет записку с проектом положения о порядке удаления из обществ порочных мещан по мирским приговорам. Если в отношении государственных крестьян такой порядок был определён ещё в 1839 г. с утверждением Сельского судебного устава¹, то в отношении городского населения подобные правила ещё отсутствовали. Рассматривая проект в октябре–ноябре 1851 г., Государственный совет предложил урегулировать вопрос об оставлении жены переселяемого супруга на прежнем месте жительства идентично тому, как это было только что сделано в отношении государственных крестьян. Итоговый текст правил, утверждённых 12 декабря 1851 г.², действительно содержал (§25) в точности ту же формулировку, которая в отношении государственных крестьян была утверждена 2-мя месяцами ранее.

Таким образом, к концу 1851 г. и для мещан, и для государственных крестьян действовали одинаковые правила, связанные с возможностью жены по супружескому соглашению остаться на прежнем месте жительства при переселении мужа по общественному приговору. Разница была лишь в том, что в случае с мещанами окончательное решение в каждом случае проходило через министерство внутренних дел, а с государственными крестьянами – через министерство государственных имуществ. В соответствии с принятыми нововведениями была изменена редакция ст. 1082 Свода учреждений и уставов о со-

державшихся под стражей и ссыльных³: в Примечание 1 к указанной статье было внесено Дополнение 2 соответствующего содержания⁴.

Значение изменений 1851 г. в том, что государственные органы оказались надёжными полномочиями в общем порядке разрешать вопросы, которые с 1819 г. были изъяты из их компетенции. В 1819 г. светским властям было запрещено санкционировать раздельное проживание супругов, о котором договорились они сами. Теперь же в силу закона данный аспект брачных отношений официально попадал в сферу ведения органов государственного управления. Разумеется, при определённых обстоятельствах: супруги должны были принадлежать к податным классам, а муж должен был переселяться в другие губернии по общественному приговору. Тем не менее, законодательство 1851 г. стало предпосылкой, определившей более смелое участие светской власти по вопросу о совместном проживании супругов для значительной массы жителей страны.

Без законов 1851 г. не смог бы состояться следующий шаг, уже прямо касавшийся проблемы жестокого обращения с жёнами. Этот шаг был сделан министром государственных имуществ в 1853 г. по делу замужних крестьянок Суриной и Помеловой, жительниц Московской губернии. Их мужья проходили по делу об ограблении крестьянина Я. Иванова. В итоге вина обоих крестьян доказана не была, однако они были оставлены в сильном подозрении⁵. Очевидно, Сурин и Помелов не были одобрены при проведении повального обыска, но в ходе следствия и суда не смогли быть вполне уличены. В этом случае закон предоставлял возможность податному обществу, к которому принадлежали подсу-

³ Т. XIV Свода законов Российской Империи изд. 1842 г.

⁴ Продолжение Свода Законов Российской Империи издания 1842 года. XVI. С 16 июля 1851 г. по 30 июня 1852 г. СПб., 1852. С. 29.

⁵ В подозрении оставлялся подсудимый, в отношении которого при недостатке совершенных доказательств имелись некоторые улики (ст. 1177 Свода законов уголовных изд. 1842 г.).

¹ ПСЗРИ-2. Т. XIV. Отд. 1. № 12166. См. ст.ст. 284–300 Устава.

² ПСЗРИ-2. Т. XXVI. Отд. 2. № 25820.

димые, потребовать их удаления на житьё в Сибирь (ст. 1179 Свода законов уголовных). Такое требование и было сформулировано.

По объявлению общественного приговора Сурин и Помелов изъявили желание следовать в Сибирь вместе с жёнами. Последние такого желания не изъявили. За женщин вступились их отцы, а также само податное общество. В своих ходатайствах защитники указывали, что Сурин и Помелов – крестьяне дурного поведения, со своими жёнами обращались жестоко и в ходе высылки могли подвергнуть их новым преследованиям.

Ходатайства дошли до министра государственных имуществ П. Д. Киселёва, который счёл возможным их поддержать. Министр полагал оставить крестьянок на месте их прежнего жительства хотя бы до того момента, когда начальство губерний, где будут поселены Сурин и Помелов, пришлют сведения об их исправлении и приобретении ими оседлости¹. В последнем требовании заключался важный резон: переселённые по общественным приговорам не всегда могли хорошо устроиться в новом месте. Поэтому семьи таких переселенцев попадали в тяжёлые условия. Об этом П. Д. Киселёв сообщал ещё в 1851 г., когда предлагал не принуждать жён следовать за переселяемыми по общественным приговорам мужьям при обоюдном согласии супругов.

Комитет министров, где 8 декабря 1853 г. П. Д. Киселёв выступил с этим вопросом, поддержал внесённое им предложение и подготовил проект для высочайшего утверждения. Императорская положительная резолюция последовала через 14 дней. А ещё через 4 года Тобольское губернское правление на запрос Министерства государственных имуществ ответило, что переселённые в Тобольскую губернию Иван Сурин и Василий Помелов в худых поступках не замечены, но и оседлости до сих пор не приобрели.

Дело крестьянок Суриной и Помеловой стало, вероятно, первым случаем в отношении податного населения в России XIX в., когда жестокое обращение с женой стало не основанием уголовной ответственности, а причиной для разрешения супругам проживать порознь.

В следующий раз Комитет министров рассмотрел подобное дело в 1856 г. Крестьянин Вологодской губернии Кондырев за «дурное поведение, развратную жизнь и накопление недоимки» был назначен по приговору мирского общества к ссылке в Сибирь на поселение². Жена следовать за мужем отказалась по причине бесчеловечного к ней отношения с его стороны. П. Д. Киселёв распорядился провести по этому случаю розыск, в результате которого жестокое обращение Кондырева с женой и двумя дочерьми вполне подтвердилось. Представляя в июле 1856 г. вопрос на рассмотрение Комитета министров, П. Д. Киселёв предложил решение аналогичное тому, которое было вынесено по делу Суриной и Помеловой. А именно: было предложено приостановить высылку крестьянки Кондыревой до тех пор, пока от начальства той местности, в которую будет переселён её муж, не будет получено сведений о приобретении им оседлости и о том, что он исправился в поведении. Комитет министров передал это предложение на высочайшее соизволение, которое последовало в августе 1856 г.

Третьим примером оставления жены на прежнем месте жительства в связи с жестоким обращением удаляемого по общественному приговору мужа является дело крестьянки Авериной. В 1857 г. между Рязанской палатой государственных имуществ и 1-м Департаментом министерства государственных имуществ произошла переписка, из которой стали видны следующие обстоятельства. По общественному приговору крестьянин Аверин как человек дурного поведения, развратной жизни, неспособный к платежу податей и повинностей подлежал удалению в другие

¹ Очевидно, под «приобретением оседлости» следует понимать обзаведение хозяйством.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2551. Л. 410.

губернии. При этом Аверин не изъявил согласия на разлуку с женой. Жена, в свою очередь, не согласилась следовать за мужем и дала пояснения относительно поведения супруга в семье. В частности, она сообщила: «Когда же я стану ему советовать о перемене жизни, то он, не говоря ни слова, бьёт меня немилосердно, и таковые побои я часто принимаю и принимала прежде даже быв беременной, отчего выкидывала младенцев безвременно мёртвых. Назад же тому несколько месяцев пришёл он в дом в нетрезвом виде и, не говоря ни слова, бил меня немилосердно, а потом, не удовольствуюсь сим, ухватил лежащий на лавке рубель, чем катают в простонародье белье, ударил меня по голове, и я от такого удара лишилась памяти»¹. В ходе разбирательства по делу крестьяне местного общества составили новый приговор, где отразили сведения о неоднократных жестоких поступках Аверина с женой.

И Рязанская палата, и 1-й Департамент, и товарищ министра государственных имуществ в этом деле стояли на стороне крестьянки и сельского общества. Лишь прокурор Рязанской губернии подал иное мнение, полагая на основании Примечания 1 к ст. 1082 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных, что оставление жены на месте жительства могло быть лишь при согласии обоих супругов.

Докладывая 15 октября 1857 г. на заседании Комитета министров это дело, товарищ министра государственных имуществ обосновывал свою позицию не только тем, что одной из причин общественного приговора было жестокое обращение Аверина с женой. В докладе также были приведены сведения о прежних случаях (в справке есть информация о делах Суриной и Помеловой, а также Кондыревой), когда особым высочайшим повелением отправка жён к мужьям приостанавливалась до получения сведений об исправлении супругов в поведении и приобретении ими оседлости. В этом же ключе Комитет министров соста-

вил положение по делу Авериной, которое император утвердил 29 октября 1857 г.²

После целого ряда таких случаев министерство государственных имуществ задумалось об упрощении процедуры принятия решений, ведь каждое такое дело было необходимо сначала докладывать Комитету министров, а потом спрашивать монаршей резолюции. Поэтому когда в октябре 1859 г. на заседании Комитета обсуждалось ходатайство Пензенского губернатора об оставлении жены переселяемого крестьянина Тришкина на прежнем месте жительства из-за жестокого обращения, министр государственных имуществ М. Н. Муравьёв предложил предоставить его ведомству право принимать окончательные решения по подобным делам. 3 ноября 1859 г. эта инициатива была одобрена императором³. Аналогичные права в отношении удельных крестьян 31 марта 1860 г. получило главное удельное начальство⁴.

Теперь уже не только сложилась практика, но и была урегулирована законом упрощённая процедура оставления жён на прежнем месте жительства при переселении жестоко обращавшихся с ними мужей. Дело, в сущности, оставалось за малым: ввести унифицированные правила для всех подобных случаев без различия классов податного населения. Принятие таких правил стало делом времени, тем более что из ряда губерний поступали запросы о статусе членов семейств лиц, ссылаемых на водворение в Сибирь. Попутно возникли вопросы об устройствах семейств временнообязанных крестьян при аналогичных обстоятельствах.

Исключения из правил 1862 г., связанные с жестоким обращением переселяемых мужей с женами у податного населения

Ещё в феврале 1858 г. министр внутренних дел граф С. С. Ланской вступил в переписку со II Отделением императорской

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2629. Л. 180.

³ ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. Отд. 2. № 35081.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXXV. Отд. 1. № 35645.

¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 20. Д. 26721. Л. 16–16об.

канцелярии по поводу затруднений, встретившихся в прибалтийских губерниях. Речь шла об оправлении в Сибирь вместе с родителями детей, достигших определённого возраста (мальчиков – 5 лет, девочек – 10 лет). Независимо от этого главноуправляющий II Отделением граф Д. Н. Блудов внёс в Государственный совет записку по вопросу о последствиях ссылки на жительство с точки зрения супружеских и родительских отношений.

По решению Государственного совета этот вопрос был передан во II Отделение, поскольку его разрешение было связано с подготовкой соответствующего раздела проекта Гражданского Уложения. Однако генерал-губернатор Прибалтийского края князь А. А. Суворов не мог ждать так долго. Своей властью он приостановил отправку в Сибирь нескольких семейств, в которых дети превышали указанный ранее возраст. Для скорейшего решения проблемы Д. Н. Блудов представил в Государственный совет разработанный проект отмены существовавшего ограничения в возрасте детей, до которого удаляемым в Сибирь родителям дозволяется брать их с собой. Однако Государственный совет не стал спешить с принятием предложенного проекта и отправил вопрос на дальнейшую проработку в Главный комитет об устройстве сельского состояния совместно с Департаментов законов.

Почти в это же время новый министр внутренних дел (назначен в апреле 1861 г.) статс-секретарь П. А. Валуев возбудил в указанном Главном комитете частный вопрос о следовании в Сибирь жены отправленного туда временнообязанного крестьянина. Поскольку статус временнообязанных крестьяне могли приобрести только в ходе реализации реформы 1861 г., вопрос об удалении в Сибирь именно таких лиц с семьями ещё не был урегулирован законодательством.

Итогом совместной работы Министерства внутренних дел и II Отделения императорской канцелярии стала записка «Относительно следова-

ния семейств за лицами, ссылаемыми в Сибирь», которая в июле 1862 г. была отправлена в Государственный совет. Авторы документа, проанализировав существовавшие законодательные нормы по данному вопросу, убедились в том, что они часто неточны, двусмысленны и при этом без достаточных оснований адресованы конкретным сословным группам. Рассматривая, в частности, проблему оставления на прежнем месте жительства жены при жестоком с ней обращении переселяемого в Сибирь мужа, авторы документа недоумевали, почему это правило действовало лишь в отношении отдельных сословий.

Соглашаясь с доводами двух ведомств, соединённое присутствие Департамента законов Государственного совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния к августу 1862 г. утвердило проект общих правил следования семейств за лицами, ссылаемыми в Сибирь. В числе этих правил было и такое, которое предполагало обязательное следование жены за мужем, переселяемым по приговору общества (п. 2). В числе исключений, т. е. когда жена могла остаться на прежнем месте жительства, было жестокое обращение с ней мужа. Факты жестокого обращения должны были удостоверяться в судебном порядке по правилам, установленным для совестного суда. 17 сентября 1862 г. проект, обсуждённый и принятый соединённым присутствием, получил санкцию Александра II¹.

Закон от 17 сентября 1862 г., если его рассматривать с точки зрения правового регулирования брачно-семейных отношений, был значительным шагом вперёд.

Во-первых, установление факта жестокого обращения с женой стало основанием, по которому она могла добиваться раздельного проживания с мужем. Можно даже говорить о том, что начали складываться предпосылки для расширения личных прав замужних женщин. Разумеется, это касалось лишь податных классов населения. Разумеется, вопрос о раздельном

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 38688.

проживании при жестоком обращении мог подниматься лишь в случаях переселения мужа на жительство в иные губернии по общественному приговору.

Однако новым законом был установлен не некий исключительный порядок, который при этом нормативно не регулировался. Для сравнения, обижаемая мужем дворянка могла обратиться в III Отделение императорской канцелярии. А итоговое решение по делу утверждалось императором после проведения розыска, регламентированного в лучшем случае секретным циркуляром. Вспомним, что примерно также было сначала и в отношении представителей податных классов (дела крестьянок Суриной, Помеловой и Кондыревой). Однако с 17 сентября 1862 г. решения о раздельном проживании крестьянок и мещанок со своими мужьями стали приниматься в общем порядке по итогам регламентированного законом судебного рассмотрения. В отношении же привилегированных классов судебное исследование супружеских неурядиц стало актуальным лишь с принятием закона 12 марта 1914 г.

Во-вторых, закон 1862 г. не говорил уже о различных группах податного населения (дворцовых, удельных крестьянах, мещанах) в отличие от адресных постановлений 1851, 1859 и 1860 гг. Новые положения касались всех, кого ссылали по общественным приговорам. С одной стороны, такое обобщённое регулирование может говорить о зарождении интереса законодателя к супружеским отношениям в принципе, а не только о желании организовать быт отдельных категорий податного населения в интересах правительства. С другой стороны, путь, проделанный законодателем до 1862 г., лишний раз убеждает в справедливости того тезиса, что говорить о семейном праве вообще по отношению к дореволюционной России не вполне корректно.

Напротив, корректно утверждать, что нормы о семейных отношениях являлись и в XIX в. своего рода «периферией» огромного блока правил о сословном устройстве. Одни правила касались дворянства

[8, с. 40], а иные (исходя из представленных здесь материалов) – управления конкретными классами податного населения. Различные ведомства, ответственные за те или иные группы населения, возбуждали вопросы о следовании семейств за переселяемыми отцами и мужьями совсем не по причине заботы о материнстве, детстве или о защите прав супругов. Интерес был, прежде всего, казённый: организация транспортировки, снабжение следующих в Сибирь всем необходимым, устройство поселенцев на новых, мало освоенных местах.

Немалое значение имела также позиция податных обществ. Даже из приведённых материалов видно, как активно они порой противодействовали местной власти (дело Суриной и Помеловой, дело Авериной) и высказывали противоречащее закону мнение. Специфика личных и имущественных обязанностей подданных в то время была такова, что правительство было заинтересовано в сохранении податных обществ и вынужденно прислушивалось к их голосам. Так что сословная организация российского общества в середине XIX в. непосредственно влияла у податного населения на личные отношения между супругами.

Половинчатость мер, предпринятых законом 17 сентября 1862 г., была очевидна уже для его современников. Полиция обеих российских столиц в течение 60-х гг. XIX в. сообщала о частых случаях жестокого обращения с жёнами в разных сословиях. Вследствие этого и в МВД, и в других ведомствах неоднократно ставился вопрос о кардинальном пересмотре законодательства. Из возникавшей переписки между их руководителями в первой половине 60-х гг. XIX в. можно видеть, насколько с точки зрения власти назрел вопрос о раздельном проживании членов семьи при наличии фактов супружеского насилия. Главноуправляющий III Отделением императорской канцелярии Н. В. Мезенцов, например, после издания правил 17 сентября 1862 г. полагал справедливым и полезным распространить их действие на все случаи жестокого обращения с жёнами. Кроме

того, с точки зрения главы ведомства, не нужно было обязательно обуславливать применение этих правил ссылкой по суду, переселением или удалением по приговорам обществ. Министр внутренних дел П. А. Валуев писал в 1864 г. В. Н. Панину, главноуправляющему II Отделением канцелярии, о существенной необходимости введения общих правил касательно защиты жён от предосудительного поведения мужей путём выдачи паспортов на отдельное проживание.

Правда, введение общих норм, связанных с раздельным проживанием супругов, требовало одобрения Правительствующего Синода, поскольку новыми правилами могли быть затронуты церковные положения о браке. Дозволенное же Александром II неформальное общение по этому вопросу руководства II Отделения с некоторыми членами Синода показало бесперспективность, во всяком случае, в середине XIX в., законодательных работ в этом направлении. Церковники высказывались в том смысле, что основой общественного порядка является твёрдость брачного союза и власть отца семейства. Ослабление того и другого, хоть и косвенным образом, могло бы иметь самые пагубные последствия. Такая недвусмысленная позиция представителей Синода делала в то время невозможной выработку общих правил о раздельном проживании супругов, хотя некоторые проекты к середине 60-х гг. XIX в. уже существовали.

Для сравнения, необходимости в консультациях с членами Синода как при подготовке узаконений до 17 сентября 1862 г., так и при обсуждении проекта закона 1862 г. не возникало. Ни одно ведомство (министерство государственных имуществ, министерство внутренних дел, II Отделение императорской канцелярии и проч.), предлагая допустить оставление жен мещан или крестьян при жестоком обращении с ними мужей, не рассуждало о потрясении основ власти в семье или в обществе. Всё это лишний раз подтверждает тезис, что семейные отношения мещан и крестьян в середине XIX в. составляли

предмет скорее сословного, нежели семейного законодательства. А по вопросам устройства податных сословий правительство действовало вполне независимо от позиции церкви.

Заключение

Проведённое исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, уже в середине XIX в. жестокое обращение с женой стало основанием не только уголовной ответственности, но и, в отдельных случаях, для раздельного проживания супругов. Можно говорить о том, что начали складываться предпосылки для принятия закона 1914 г., который расценивал супружеское насилие как одну из причин отказа фактически продолжать совместную жизнь. Доказательством этому можно считать принятие 17 сентября 1862 г. правил следования семейств за лицами, ссылаемыми в Сибирь. Согласно этим правилам, жестокое обращение в совокупности с некоторыми другими обстоятельствами позволяло жене остаться на прежнем месте жительства при удалении мужа в другие губернии по общественному приговору.

Во-вторых, в середине XIX в. вопросы брака и семьи у податного населения интересовали правительство по-прежнему с точки зрения сословной организации общества. И правила 1862 г., и предшествовавшие ему узаконения об оставлении жён на месте жительства при переселении мужей касались не всех российских сословий. С точки зрения ведомств, ответственных за переселение мещан и крестьян, семейные неурядицы, жестокость по отношению к домочадцам могли создать для них неудобства при устройстве на месте. Кроме того, законодатель всё ещё учитывал мнение податных обществ, ответственных перед правительством за выполнение населением личных и имущественных повинностей, в определении судьбы домочадцев удаляемых крестьян или мещан. В то же время из-за позиции руководства православной церкви власть ещё не могла связать про-

блему семейного насилия в принципе с правом супругов на раздельное проживание. Таким образом, не имея возможности в середине XIX в. облегчить участь всех несчастных жён посредством изменений в *семейном* законодательстве, для некоторой их части правительство оставляло лазейки в законодательстве *сословном*.

Итак, в середине XIX в. русское правительство сделало 2 важных шага:

1) государственные органы были допущены принимать решения (хоть и в ограниченных ситуациях) о совместном или раздельном пребывании супругов;

2) при принятии таких решений стал учитываться фактор жестокого обращения мужа с женой.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин В. Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 27–30.
2. Ворошилова С. В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2011. 63 с.
3. Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX вв. Барнаул, 2019. 148 с.
4. Давыдова А. Д. Неравноправное положение женщин в Российской империи // История и археология: материалы III Международной научной конференции. СПб., 2015. С. 1–3.
5. Никологорский А. С. Семейный вопрос в российской публицистике конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 32 с.
6. Полянский П. Л. Герои Льва Толстого и правовые средства разрешения супружеских неурядиц в XIX в. в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия 11: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 68–78.
7. Полянский П. Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах XIX в. // Вестник Московского университета. Серия: Право. 2014. № 5. С. 33–51.
8. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. 400 с.
9. Пушкарёва Н. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012. 381 с.
10. Сидорова В. С. Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 1. С. 39–47.

REFERENCES

1. Bezgin V. B. [The murder of a spouse (s) in a peasant family (late 19th – early 20th centuries)]. In: *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history], 2016, no. 1, pp. 27–30.
2. Voroshilova S. V. *Pravovoye polozheniye zhenshchin v Rossii v XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [The legal status of women in Russia in the 19th – early 20th centuries: abstract of Dr. Sci. thesis in Legal sciences]. Saratov, 2011. 63 p.
3. Goncharov Yu. M. *Brachno-semeynoye pravo Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX vv.* [Marriage and family law of the Russian Empire 19th – early 20th centuries]. Barnaul, 2019. 148 p.
4. Davydova A. D. [The unequal status of women in the Russian Empire]. In: *Istoriya i arkheologiya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History and archeology: Materials of the 3^d International Scientific Conference]. St. Petersburg, 2015, pp. 1–3.
5. Nikologorsky A. S. *Semeynyy vopros v rossiyskoy publitsistike kontsa XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Family issue in Russian journalism of the late XIX – early XX century: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2012. 32 p.
6. Polyansky P. L. [Heroes of Leo Tolstoy and legal means of resolving marital troubles in the 19th century in Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*

- [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2019, no. 3, pp. 68–78.
7. Polyansky P. L. [The Shelkovnikov case: on the issue of delimiting the competence of Russian church and secular authorities in marriage matters of the 19th century]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series: Law], 2014, no. 5, pp. 33–51.
 8. Polyansky P. L. *Pravovoye regulirovaniye brachno-semeynykh otnosheniy v rossiyskom obshchestve: istoriko-pravovoye issledovaniye* [Legal regulation of marriage and family relations in Russian society: historical and legal research]. Moscow, 2016. 400 p.
 9. Pushkareva N. *Chastnaya zhizn russkoy zhenshchiny XVIII veka* [Private life of a Russian woman of the 18th century]. Moscow, 2012. 381 p.
 10. Sidorova V. S. [Peasant family and domestic crime in Russia in the second half of the 19th century]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 2011, vol. 4, no. 1, pp. 39–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полянский Павел Львович – доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: iogp@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel L. Polyansky – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of History of State and Law, Lomonosov Moscow State University; e-mail: iogp@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Полянский П. Л. Семейно-правовые последствия жестокого обращения с жёнами у податного населения России в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 51–66.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-51-66

FOR CITATION

Polyansky P. L. Family and Legal Consequences of Ill-Treatment of Wives among the Taxable Population of Russia in the Middle of the 19th Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 51–66.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-51-66